

Нина Захарина

НОВЫЙ ПУТЬ

18+

Нина Захарина

НОВЫЙ ПУТЬ

«ЛитРес: Самиздат»

1998

Захарина Н.

Новый путь / Н. Захарина — «ЛитРес: Самиздат», 1998

Став свидетелем крупных махинаций, Анне с семьёй пришлось уехать в неизвестность, бросив всё. Но её упорно ищут, и вот она в руках своих врагов, и жизнь её в опасности. Что может её спасти, что может помочь ей вернуться к своей семье? И какую цену придётся заплатить за спасение?

Машина въехала во двор, ворота медленно закрылись, отрезав её от внешнего мира. В глазок клетки была видна часть лобового стекла и, когда они притормозили, Анна успела прочитать – «Изолятор временного содержания Железнодорожного района». Странно, почему ИВС, а не СИЗО?

Она откинулась к стенке клетки, закрыла глаза. Что же дальше? На что рассчитывают её бывшие компаньоны? Что она безропотно примет на себя это фальсифицированное обвинение? И зачем им упрятывать её за решётку, ведь рано или поздно она всё равно выйдет. Нет, им надо заткнуть ей рот, и навсегда. Ведь не успокоило же их то, что она, узнав правду об их деятельности, бросила всё и уехала с семьёй буквально без копейки в кармане. Вернее, сбежала под покровом ночи, загрузив в УАЗик только самое необходимое. Глупо было надеяться, что её оставят в покое, слишком многое она узнала, и слишком большие чины оказались замешаны в их деле. И как ловко они её нашли, хоть и заняло это более года. Статья абсурдная – занятие незаконным промыслом, но она дала возможность объявить в розыск, получить санкцию на арест. А дальше дело техники и денег. Но каким же образом они могут расправиться с ней? Ведь не будут же дело доводить до суда.

Дежурный пролистал её «Дело арестованного». С девушкой – сержантом прошли в небольшую комнату, та обыскала её, осмотрела одежду. За время движения по этапу Анна столько раз прошла эти процедуры, что они стали привычными. Получив постельные принадлежности, в сопровождении вызванного милиционера прошла к камере. И снова № 2, прямо наваждение какое – то. Начиная с Казанского вокзала, где её задержали, во всех СИЗО камера №2.

На нарах лежала только одна женщина. Когда дверь открылась, она приподнялась, небрежно оперлась на локоть. Анна стала расстилать свой матрас у противоположной стены, искоса взглянула на сокамерницу. Та тут же начала оживлённо болтать:

– Привет! Вторые сутки молчу, сил уже нет. Тебя за что загребли? Я на такой ерунде попала, просто смешно. Кантуемся на вокзале, с сентября трезвая не была, представляешь? И в этот день хорошо поддала. Ну, и стянула по пьянке с мужика шапку. Он и сам не лучше меня был, стенку подпирал, и не заметил даже. А сзади меня мент шёл, а я у него на глазах эту шапку, представь? И шага не сделала, он меня задержал. Возбудили вроде как за грабёж, меня сюда, а какой же это грабёж? Я ранее не судима, так надеюсь, что ход делу не дадут, что это за преступление? Может, в распределитель отправят, документов – то у меня нет. Я и не помню, когда и где их потеряла. Вчера во всём ИВС единственная баба была, так меня после ужина вызвали посуду мыть, нашли бесплатную рабочую силу. Больше не пойду.

Анна молча пожала плечами – она охотно пошла бы мыть и посуду, и полы. Хоть какая – то разрядка, не валяться же целыми днями на нарах.

– Тебя как зовут? – продолжала болтать сокамерница, – Анна? И меня Анна, Анна Кузнецова. Тёзки, значит. Вчера думала, помру, такой отходняк был. За полгода, считай, впервые трезвая. Конвоиры пожалели – дали водки немного. Я выпила, всё легче стало. Сегодня уже не так, но всё равно ещё тяжело.

Анна почти не слушала болтовню, думая о своём. В ИВС она была только в Москве, потом её перевели в СИЗО-3 на Красную Пресню, и по этапу она шла по СИЗО. Почему же сейчас ИВС? Какая –нибудь ошибка?

Собрали кружки после вечернего чая. Спустия какое – то время загремели ключи, открылась дверь:

– Кузнецова, пойдёшь кружки мыть?

Та в ответ даже не шевельнулась, и Анна гибко поднялась со своего матраса. От двери уже вернулась, снимая на ходу оранжевый пиджак, бросила его на нары, рядом с матрасом Кузнецовой.

В камере было прохладно, и Анна с удовольствием мыла под горячей струёй кружки, грея руки. Особенно потемневшие почистила с содой, расставила по местам.

Вернувшись в камеру, не стала брать мокрыми руками пиджак, села на свой матрас. После яркого света столовой глаза не сразу привыкли к полумраку камеры. Кузнецова, видимо, спала, отвернувшись. Стена возле неё была испачкана чем – то чёрным. Глаза уже освоились с освещением, и тут Анна увидела, что и простынь соседки стала чёрной. Ничего не понимая, она встала, шагнула к её матрасу и остановилась, с трудом удержавшись от крика. Голова Кузнецовой была превращена в сплошное кровавое месиво. Попятившись, без сил опустилась на своё место. В голове прозвучало:

– Кузнецова, пойдёшь кружки мыть?

Боже мой, так вот что её ожидало! И что же теперь? Утром в ошибке разберутся, и тогда ей тем более отсюда не выйти. Кузнецову не милиция, конечно, убивала, впустили уголовников. В одном из СИЗО она слышала подобное, когда растаптывают голову, чтобы наверняка. А теперь увидела своими глазами.

В десять часов вечера выключили радио, наступила тишина. В горле щекотало от сладкого запаха крови, но поднимать тревогу она не собиралась. Хоть и говорят, что перед смертью не надыхнешься, но зачем торопить события? Не то, чтобы уснуть, даже просто прилечь она была не в состоянии. Думала о семье, о детях – как они теперь без неё? Была уверена, что разлука ненадолго, по закону ничего с ней поделаться не могут. А никто и не собирался поступать с ней по закону.

В семь утра заиграло радио, подъём. Загремел замок, дверь чуть приоткрылась:

– Туалет, уборочка!

Анна не шевельнулась. Дежурный заглянул в камеру:

– Эй, не слышишь? Уборка, туалет. И подругу буди.

Постоял, не заходя в камеру, крикнул:

– Лёха, иди – ка сюда. Что – то непонятное.

Зашли вдвоём, один вскочил на нары, склонился над соседним матрасом, присвистнул:

– Да тут уголовка побывала

Быстро вышли, прогремел замок.

Спустя какое – то время поднялась суета, в камеру вошли несколько человек. Один из них сердито махнул на Анну:

– Уберите её.

– Так свободных камер нет.

– И что? – резко повернулся тот, – заприте пока куда угодно.

Кто – то потряс Анну за плечо:

– Пойдём, Кузнецова.

До Анны не сразу дошло, что её назвали фамилией убитой. Поднялась, вышла из камеры.

Закрыли её в той комнате, где вчера обыскивали. Стол, прибитый к полу табурет. Она села. Надолго ли это заблуждение? Смена меняется в девять часов. Уйдёт дежурный, который её принимал. Но ведь в деле есть фотография, от этого никуда не деться. Надежды на спасение нет, только на чудо.

Казалось, про неё забыли, время шло. Наконец дверь открылась:

– Идём.

Вышли в коридор, и Анна услышала:

– Лейтенант, дело отправили?

– Да, вместе с телом.

Анна шла по коридору, и впервые в жизни молилась. Захлопнулась за спиной дверь камеры, на нарах только её матрас. Камера вымыта, работает вытяжка, но тот же сладковатый запах смерти продолжает щекотать ноздри.

Итак, дело её ушло вместе с телом, с этой стороны опасности больше нет. Есть ли фотографии в деле Кузнецовой? Наверяд ли. Сидела она всего сутки, санкции на арест ещё нет. А фотографируют после санкции. Пальчики, конечно, откатали, это делают сразу, но кто подумает сравнивать отпечатки. Опасность в другом – она ничего не знает о Кузнецовой, кроме имени. Любая пустячная беседа разоблачит её, ведь в деле есть анкетные данные. Значит, спасение только в молчании. Могла она повредиться в психике после такой сцены? Безусловно. Перегибать и строить из себя дурочку, конечно, не стоит. Но в состоянии шока она может быть сколько угодно. И отказ от еды, так будет достовернее. Кто знает, что она приверженец Поля Брэгга и с лёгкостью переносит длительные голодовки. Господи, помоги мне!

Утром она не прореагировала на оклик:

– Уборка, туалет.

Не встала со своего места. Дежурный окликнул её ещё раз, закрыл дверь. За чаем к окошку тоже не подошла. Дежурный зашёл сам, поставил кружку на нары. Она не шевельнулась, продолжая сидеть, склонив голову, так что густые волосы прикрывали лицо.

Через полчаса дежурный зашёл за кружкой, чай остался нетронутым. Видимо, доложил по смене. При проверке, когда входит дежурный офицер, положено стоять у стены, руки за спину, чётко сказать свои данные, статью, просьбы и жалобы, если они есть.

Открылась дверь. Вошли дежурный офицер, сержант, мужчина в гражданской одежде и девушка в белом халате. Анна продолжала сидеть. К нарам подошла девушка, попыталась с ней заговорить – та даже не повернула головы. Девушка развела руками:

– Это нервный шок, надо бы в больницу.

Мужчина в гражданском кивнул головой:

– Хорошо, сегодня отправим.

Все вышли. Анна откинула голову к стене, расслабилась, закрыла глаза. Благодарю тебя, Господи! Может, и суждено ей выкарабкаться из этой ситуации, увидеть своё дорогое семейство.

Пришли за ней после обеда, сержант затормошил за плечо:

– Собирайся. Всё собирай, всё.

Для достоверности показал руками. Анна взяла пакет с вещами Кузнецовой, скатала матрас, пошла за сержантом, не поднимая головы, не убирая падающие на лицо волосы. Дежурный стал задавать положенные вопросы – фамилия, имя, отчество и т.д. Анна не отвечала.

– Ну, дела, – покачал головой офицер, отдал её «Дело» врачу. Сержант тронул Анну за плечо:

– Пошли.

Сели в милицейский УАЗ, выехали за ворота. Минут через двадцать приехали в обыкновенную городскую больницу. Девушка – врач ушла, сержант указал ей на стул. Анна села, прикрыла глаза. А вдруг у шока есть какие – то симптомы, и её сейчас разоблачат? Она ведь ничего не знает. И голодать в больнице, наверное, не стоит, а то начнут пичкать уколами.

Сержант вновь потряс за плечо, пошли по коридору за пожилой медсестрой, вошли в палату. Шесть кроватей, из них две пустые. Медсестра подошла к одной из них, положила сорочку, халат:

– Переоденься, а твоё я заберу.

Вышла, и следом вышел сержант.

Анна подошла к кровати, медленно переоделась, легла. Уснула быстро и крепко, без сновидений.

Утром вместе со всеми сходила в ванную, умылась, пошла в столовую. Ела медленно, машинально пережёвывая пищу, по – прежнему не реагируя на окружающих. Кто – то за её спиной негромко объяснял:

– В сильном шоке. Убили, что – ли, кого – то у неё на глазах. С милицией привезли.

И только услышав о милиции, Анна поняла – а ведь не видно милиционеров. Как же так? Её никто не охраняет? Стараясь скрыть вспыхнувшее от волнения лицо, ниже склонилась к тарелке. А если она уйдёт? Хотя в чём? В больничном халате в чужом городе? Нет, должен быть какой – то другой выход, надо осмотреться, подумать.

После завтрака снова легла в постель, чтобы ни с кем не общаться, случайно не выдать себя. Не заметила, как снова уснула. Проснулась от того, что её трясли за плечо. Возле кровати стояла медсестра:

– Пойдём, тебя к доктору вызывают.

В ординаторской за столом сидел офицер милиции, перед ним « Дело ». Сердце ухнуло вниз, ноги стали ватными. Офицер взглянул на неё, вскочил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.